

В. А. Тишков¹**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СЛОЖНОСТЬ
В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ РАЗВИТИИ**

В то время как в отечественном общественном сознании в 1990-е годы рождались этнокентавры в виде этнопсихологии, этносоциологии, этнополитологии и прочих, в мировой науке, прежде всего в философии, утвердилось понятие *этнометодологии*, мимо которого фактически прошли отечественные гуманитарии. Сборники начала 1990-х годов под редакцией С. В. Соколовско-

¹ Академик-секретарь Отделения историко-филологических наук и член Президиума РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор свыше 400 научных и научно-публицистических работ, в т. ч. монографий: «Освободительное движение в колониальной Канаде», «История Канады», «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии», «Очерки теории и политики этничности в России», «Политическая антропология», «Общество в вооруженном конфликте», «Опыт этнологического мониторинга», «Наука и жизнь. Разговоры с этнографами», «Устойчивость и подвижность этнокультурных границ», «Российский народ: история и смысл национального самосознания» и др. Член редакционных коллегий журналов «Этнографическое обозрение», «Федерализм», «Ethnic and Racial Studies» и др. Член Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, научных советов при Совете безопасности и министре иностранных дел РФ, совета Российского гуманитарного научного фонда и др. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники, Государственной премии РФ в области науки и технологий. Награжден орденом Почета, медалью «За трудовую доблесть», орденом Святого благоверного князя Даниила Московского III степени Русской православной церкви.

го с названием «Этнокогнитология» и «Этнометодология» содержали не только некоторые инновационные и разъяснительные тексты, но и материалы охранительного характера типа «Этносы неприкосновенны» и особого продвижения в науке не отражали. Один из авторов (М. В. Крюков) вообще считал, что этнографы должны разработать более адекватную и чувствительную диагностику, чтобы точнее определять этническую номенклатуру населения нашей страны и наделение той или иной культурно отличительной общности статусом «этнос» по строго научным критериям². Все, что касалось социального конструктивизма, огульно причислялось к постмодернизму с явно уничижительной коннотацией.

Как известно, этнометодология представляет собой одно из направлений социального конструктивизма, ставшего в начале XXI века доминирующим фило-софско-социологическим и одновременно антропологическим направлением, использующим опыт этнографического исследования «примитивных» культур для понимания современной социальной реальности и порождаемых ею культурных форм и проявлений. Здесь в центре находятся этнографический момент наблю-

² Этнокогнитология / под ред. С. В. Соколовского. М., 1994. Вып. 1 : Подходы к изучению этнической идентификации.

дения и «плотного описания» повседневных символических взаимодействий, поиск культурных смыслов в разных сферах человеческой деятельности, включая, например, культуру насилия или антропологию этнической «чистки», которую следовало бы расшифровать на примере этнополитических конфликтов.

В последние годы этот сложный альянс социально-культурных антропологов с философской антропологией стал более явным. Особенно отчетливо он проявляется в исследованиях разных субкультур за пределами привычных этнических групп, а также в антропологии времени, пространства, движения, смыслов, памяти, молчания, идентичности и т. д.¹ Это один из вариантов инновационной междисциплинарности, когда не одна дисциплина использует несколько методов других дисциплин, а несколько дисциплин (или дисциплинарных арсеналов одного исследователя) анализируют один культурный феномен. Тем не менее среди гуманитариев, включая антропологов, преобладает настроение растерянности перед современными культурными сложностями и теми общественными разломами, которые образуются на основе этносоциокультурных и профессиональных различий и которые непросто расшифровать с помощью принятых подходов и монодисциплинарных методов.

Рассматривая открытые конфликты и внешнее вмешательство на Ближнем и Среднем Востоке, известный востоковед В. В. Наумкин обращается к концепту глубоко разделенных обществ и делает важное замечание: «Ни одна из существующих теорий в гуманитарных науках не может исчерпывающим образом объяснить названный феномен, речь идет лишь об использовании инструментом возможно большего числа концепций и подходов для достижения адекватного знания о столь сложном предмете»². При этом В. В. Наумкин затрудняется проводить грань между глубоко разделенными обществами и просто разнородными обществами, как и устанавливать критерии такого различия. Слишком много факторов могут актуализировать различия и разобщенность странового общества, доведя его до открытого конфликта. И есть много факторов, которые обеспечивают деволюцию раскола на уровень совместного и кооперативного существования. Феномен постконфликтной реконструкции в Чечне показывает пример такой трансформации конфликта.

Многие специалисты к наиболее разделенным обществам склонны относить не те, где высока степень этнической или религиозной фрагментации, а те, которые проходят по линии так называемых бинарных оппозиций, где есть два-три основных культурно (включая религию) отличительных сегмента в населении страны, которые претендуют на главное или равное место в центральной власти. Два других типа этнической структуры государственных сообществ (один — это

¹ См., например: Богданов К. А. Ното Тасенс : очерки по антропологии молчания. СПб., 1998 ; Антропология насилия / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Бочарова. СПб., 2001 ; Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.

² Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 66–96.

доминирующее большинство плюс меньшинства, второй — это много меньшинств без группы большинства и претендентов на центральную власть) действительно менее конфликтногенны, хотя никак не застрахованы от больших коллизий на этой почве. Но и, казалось бы, в «двоичных» обществах реальная сложность выходит за рамки простой конфликтной пары.

Как отмечает В. В. Наумкин, «двоичный» Ирак на самом деле имеет троичное деление — на арабов-суннитов, арабов-шиитов и курдов. «В рамках этого деления пересекаются конфессиональные и этнические идентификационные маркеры (не говоря уже о прочих, в первую очередь родоплеменных), поэтому, на наш взгляд, можно говорить скорее о двух линиях бинарного разделения: арабы–курды и мусульмане–шииты–мусульмане–сунниты (с учетом того, что большинство курдов являются суннитами)»³. Разделенность усугубляется, когда этнические групповые границы совпадают с конфессиональными, но даже в этнически однородных арабских обществах религиозные различия между основными мусульманскими общинами и даже внутри общества суннитов могут быть не менее глубокими, чем по линии этничности и языка. И все же, как до сих пор считают многие, этническая фрагментация, как наиболее часто встречающаяся и мозаичная по своей природе, — типичная основа для значимой общественной поляризации.

Соглашаясь с фактом актуализации этноконфессиональной сложности современных наций даже в таком ареале, как арабский Восток, где преобладают одна мировая религия и один язык со страновыми вариантами, выскажемся по поводу самого феномена этнической фрагментации страновых сообществ, который привлекает внимание исследователей. Приведу выводы из одного научного проекта по этой проблеме. 16 мая 2013 года американская газета «*Washington Post*» опубликовала материал под названием «Карта самых многоэтнических и самых моноэтнических стран мира». Эта карта была составлена группой обществоведов Гарвардского института экономических исследований. Авторы насчитали всего 650 этнических групп в 190 странах. Степень этнической фрагментации измерялась с учетом различий в ответах на вопрос об этнической принадлежности. В итоге были составлены многочисленные таблицы корреляций, но на их основе американские коллеги сделали, на наш взгляд, как тривиальные, так и спорные выводы.

Конфликты, по их мнению, чаще имеют место в многоэтнических странах, но это может быть и от бедности, ибо этническое разнообразие коррелирует с низким уровнем развития. Богатые страны более моноэтничны, как и сильная демократия больше коррелирует с моноэтничностью, но последняя не является ее обязательным условием (примеры Индии и Швейцарии). Действительно, во фрагментированных обществах наличие этнических сообществ накладывает ограничения на политическую свободу из-за стремления одних групп обеспечивать контроль над другими. Существование культурно отличительных групп требует своих лидеров, манипулирования, лоббирования, а полити-

³ Наумкин В. В. Указ. соч.

ки, в свою очередь, используют фрагментацию в целях мобилизации «своих» или для исключения «других». В более моноэтнических обществах управлять демократическим путем легче по причине меньшего числа конфликтов. Поскольку проект выполнялся главным образом экономистами, то самый важный для авторов вывод состоял в том, что этническая и языковая (но не религиозная) фрагментации коррелируют с показателями экономического развития, социальными условиями и качеством институтов управления, но твердых и убедительных закономерностей авторам выявить не удалось¹.

В некоторых аспектах наши наблюдения совпадают с данными выводами, но в главном мы расходимся: *разнообразие — это в большей степени ресурс, а не источник риска, а стабильность и развитие не имеют прямой корреляции со степенью этноязыковой фрагментации населения*. Так же обстоит дело и с уровнем демократии. Достаточно сказать, что моноэтничность некоторых стран может быть результатом жесткой дискриминации и даже насилия по обеспечению этнической «чистоты» некоторых сообществ. Наконец, судьба 15 республик бывшего СССР при их выстраивании по степени сложности этнического состава — от моноэтничной Армении до самой полиэтнической Российской Федерации — не совпадает ни с показателями экономического развития (душевого дохода, ВВП) и демократичности устройства, ни с наличием или отсутствием конфликтов. Моноэтничные Армения и Туркменистан пребывают на крайних полюсах по степени демократизации. Средняя степень фрагментации не уберегла Грузию и Молдову от открытых конфликтов, но позволила сохранить стабильность и мир в схожих по численности этнических групп Литве, Узбекистане и Казахстане. Видимо, есть другие факторы и обстоятельства, которые определяют стабильность и согласие разных обществ без жесткой корреляции с числом и обликом входящих в это общество культурно отличительных групп. А вот *само этническое и языковое разнообразие в большинстве случаев есть историческая данность для многих государств. Эта данность зачастую имеет собственную динамику, в чем-то подвизную, а в чем-то не меняющуюся десятилетиями и даже столетиями*.

Этот вывод, казалось бы, позволяет сделать шаг в сторону признания примордиальных корней существующих этнических общностей и тенденции, которую я называю неопримордиализмом. Уж очень стойко и с нарастающей манифестностью в последнюю четверть века этнический фактор действует на мировой арене. Причем не только в ареале бывшего СССР и зоне его влияния. Это мировая тенденция. Но о чем она говорит и где надо искать ответ? Наиболее стой-

кие критики конструктивизма и новых подходов к этничности видят проблему в том, что явление этноса до сих пор до конца не познано и по этой причине ученые не могут дать ему приемлемое определение. Внутри самой дисциплины таких «упорных» не так много, и подобные взгляды высказываются или выходцами из этнологии, или неофитами этнической тематики из других дисциплин. Так, Б. Е. Винер считает, что «приемлемое определение этноса и этничности в нашей науке появится еще не скоро», но исходить нужно из того, что этнические общности «в своем нынешнем виде образованы благодаря деятельности людей в прошлом»². Круг искателей истинного определения этноса сегодня ограничен в самой этнологии, но, как мы видим, народилось новое племя сторонников этноса в смежных гуманитарных дисциплинах.

Для выхода из методологического тупика необходимо переосмыслить происходящие в мире изменения в более широком контексте: не только в экономике и политике, но и в культуре. На отсутствие адекватной теории, объясняющей глобальные коллизии современного мира, сетуют отечественные и зарубежные ученые, которых занимают новые реальности: углубляющиеся глобально-региональные разломы, миграционные и этноконфессиональные коллизии, новые роли и поведение наций-государств. «Очевидно, что нынешнего понятийного аппарата, который решает проблему с помощью, в частности, использования сложносоставных терминов (таких, например, как этнонационализм, этнофедерализм или мультикультурность/мультикультурализм), оказывается для этого недостаточно. Подобный способ трактовки природы современных конфликтов говорит скорее об ограниченности возможностей современного научного знания в постижении их природы. В контексте анализа дисбалансов и противоречий современного развития в прояснении нуждается, в частности, понимание этнического самосознания и этничности как фактора социальной динамики в современном мире»³.

Критикуя этнокентавры, в данном случае мы можем принять предлагаемое понятие «этносоциокультурный конфликт как результат взаимодействия существующих в мире множества этнических, межконфессиональных, социальных и культурно-цивилизационных конфликтов»⁴. Такого рода конфликт действительно может иметь долговременный характер, который обычными договоренностями и деволуцией преодолеть сложно. Как считают коллеги-международники, во многом «этносоциокультурный конфликт обусловлен фундаментальными демографическими, миграционными и социокультурными сдвигами, которые являются необратимыми и будут оказывать многообразное воздействие на различные стороны жизни как развитых, так и развивающихся стран на протяжении ближайших десятилетий»⁵. Насколько необратимыми

¹ Fractionalization / by F. Alesina Flberto [et al.] // Harvard Institute Research Working Paper. 2002. № 1959. P. 17–18. По этой проблеме см. также: Alesina A., Baqir R., Easterly W. Public Goods and Ethnic Divisions // Quarterly Journal of Economics. 1999. Vol. 114, № 4. Nov. P. 1243–1284; Alesina A., La Ferrara E. Participation in Heterogeneous Communities // Quarterly Journal of Economics. 2000. Vol. 115, № 3. Aug. P. 847–904; Easterly W., Levine R. Africa's Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions // Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol. 111, № 4. Nov. P. 1203–1250.

² Винер Б. Е. Постмодернистский конструктивизм в российской этнологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8, № 3. С. 128.

³ Этносоциокультурный конфликт: новая реальность современного мира / под ред. Е. Ш. Гонтмахера, Н. В. Загладина, И. С. Семененко. М., 2014. С. 24.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Там же. С. 20.

и сколько десятилетий — это вопрос для дискуссии, ибо мы уже писали об открытости и стохастической природе современного исторического процесса, о так называемой «текучей модерности» (выражение З. Баумана)¹.

Едва ли наш общий интеллектуальный ресурс в силах предвидеть глубинные сдвиги культурной эволюции, не говоря уже о переменных в науке и политике, которые произойдут через десятилетие. Но некоторые константы выделить можно. Одну из них сформулировал пионер немецкого просвещения Лессинг, заявив, что «различия между людьми будут с нами до конца мира». Культурные различия — это не временное явление, и разнородность человеческого рода будет длиться так долго, как существует сам человеческий род. Лессинг считал, что мы всегда будем жить в положении разногласия, предпочитая разные вещи, любя разные способы жизни, и что развитие культуры, творчество возникает в ситуации разногласия. Уже упоминавший-

ся наш старший современник З. Бауман согласен, что «все новое, действительно захватывающее рождается из спора, дискуссии, диалога, разногласий». И в основе этой вневременной динамики лежит усложнение производимых человеком культурных форм. В России одной из фундаментальных и ранних форм организации человеческих коллективов считалось то, что обозначалось префиксом «этно», но эта позиция была существенно пересмотрена современной наукой (включая физических антропологов и археологов), показавшей, что сообщинность, клановость, религия, подчинение — более ранние и более мощные основы социальных группировок людей (а не их культурно-языковая схожесть). Последнее есть результат более позднего времени, порождение эпохи государственных образований. В этом случае нет гарантии, что «этно» останется с нами навечно и не уступит приоритет другим коалициям людей (если это уже не происходит и только ждет своих объяснений).

¹ См.: *Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 491–530.